

Шачин Святослав Вячеславович
Мурманский Арктический
государственный университет,
г. Мурманск, Российская Федерация
s_shachin@mail.ru

**К определению универсальных целей социологических исследований
арктической циркумполярной цивилизации: опыт философского осмысления
арктической социологии**

Аннотация. Статья посвящена осмыслению целей социологических исследований Арктической циркумполярной цивилизации. Эти исследования призваны рассмотреть условия возможности нового пассионарного толчка (Л.Н. Гумилёв) на Севере, который приведёт к формированию интегральной Арктической цивилизации. Последняя вберёт в себя в качестве органичного единства три проанализированные в статье северные сообщества, что последовательно формировались в истории Арктики в ходе её освоения человечеством: арктических автохтонов, русских переселенцев-поморов и индустриальных переселенцев. При этом описываются качественные характеристики антропологии членов этих северных сообществ. Ставится проблема появления новых характеристик антропологии северян, благодаря которым Арктическая цивилизация сумеет стать всемирной и содействовать формированию интегральной социокультурной системы (П. Сорокин) в масштабах всего человечества.

Ключевые слова: арктическая циркумполярная цивилизация; антропологические характеристики северных сообществ; кочевники; поморы; индустриальные переселенцы на Север; интегральная социокультурная система на Севере

Shachin Sviatoslav Viacheslavovich
Murmansk Arctic State University,
Murmansk, Russian Federation
s_shachin@mail.ru

**To determining the universal objectives of sociological studies of the arctic
circumpolar civilization: experience of philosophical consideration
of arctic sociology**

Abstract. The article is devoted to understanding the goals of sociological studies of the Arctic circumpolar civilization. These studies are intended to consider the conditions for the possibility of a new “passionary push” (L.N. Gumilyov) in the North, which will lead to the formation of an integral Arctic civilization. The latter will incorporate as an organic unity the three northern communities analyzed in the article, which have been consistently formed in the history of the Arctic in the course of its development by mankind: Arctic autochthons, Russian immigrant Pomors, and industrial immigrants. At the same time, the qualitative characteristics of the anthropology of the members of these northern communities are described. The problem of the emergence of new characteristics of the anthropology of the northerners is posed, thanks to which the Arctic civilization will be able to become world-

wide and contribute to the formation of an “integrated sociocultural system” (P. Sorokin) on the scale of all mankind.

Keywords: Arctic circumpolar civilization; anthropological characteristics of the northern communities; nomads; Pomors, industrial migrants to the North, integrated sociocultural system in the North

Цели и задачи социологического исследования

При проведении исследований общества в Арктике необходимо понять, действительно ли в нём возникают особые качественные характеристики, которые позволяют его считать принадлежностью «Арктической циркумполярной цивилизации» [Винокурова, Яковец, 2016], или же это общество является частным случаем фронтальных обществ [Крупенкин, 2018], со специфическими чертами, определяемыми сложными северными природными условиями. Критерием разграничения этих двух близких по смыслу понятий является изменение базисных антропологических характеристик, как радикально бы это ни звучало: если оно имеет место, то можно говорить о первом варианте, нет – о втором. Однако мы помним, что само подобное изменение является не одномоментным, а процессным (как говорил ещё Козьма Прутков: «Где начало того конца, которым оканчивается начало?») – следовательно, мы можем говорить об изменении антропологических характеристик не только в смысле констатации свершившегося факта, но и в смысле тренда.

В первом абзаце был обозначен скорее объект исследований, предметом будет конкретное рассмотрение специфики различных северных сообществ в пределах одного универсального северного общества («Арктической циркумполярной цивилизации», далее – АЦЦ). Это надо сделать для того, чтобы конкретизировать наше предварительное понимание АЦЦ посредством исследований самых разных локальных и региональных феноменов. Так наше понимание станет более детальным. Затем же на новом уровне социолог может синтезировать новое, углублённое понятие АЦЦ через обобщение общего в локальных формах АЦЦ и определение самих принципов возникновения специфики. Это – известный в философии герменевтический метод, который стоит применить и в социологии в разделе составления программы исследований. Таким образом, наше исследование будет иметь один универсальный объект и множество более узких предметов, которые в дальнейшем позволят дать теоретически обоснованное и практически верифицированное понимание объекта. От «нет Севера, а есть Севера» [Нет Севера..., 2016] мы тем самым перейдём к Северу как сложной и динамично развивающейся системе [Развитие Севера и Арктики..., 2012], которая (т.е. система) и будет АЦЦ.

В чём же может состоять цель таких исследований? Она может быть поставлена исходя осмысления актуальности, но для этого мы не должны зауженно понимать последнюю и редуцировать до практической выгоды в ограниченный срок. Дело в том, что российское общество как часть мировой цивилизации вошло в состояние глобальных изменений (которые даже в период между написанием статьи и проведения конференции будут только нарастать). И в этот период необходимо найти активный субъект изменений, который сможет совершить назревший в глобальном масштабе

социокультурный переворот в том смысле, который в него вкладывал, например, Пителим Сорокин – в смысле становления «интегральной социокультурной системы» [Натарова, 2011]. Наша гипотеза заключается в том, что именно носители фундаментальных признаков АЦЦ и могут стать одним из важных субъектов таких изменений в глобальном масштабе. Благодаря так понятой актуальности становится чётко формулируемой цель исследований: понять, насколько те фундаментальные изменения в человеческой природе, которые будут обнаружены в носителях АЦЦ, могут оказать конструктивное влияние на всё остальное человечество в целом и на остальное российское общество в частности. Говоря заострённо-публицистически, вопрос состоит в том, не спасёт ли Север (конечно, в союзе с остальными конструктивными социальными силами) остальную Россию от впадения в хаос и распад в переходный период (который может длиться достаточно долго в масштабе исторического времени, а не только годы всемирного экономического кризиса). Задачи же исследования состоят в том, чтобы проследить процессы становления особых антропологических черт в носителях АЦЦ и описать те достигнутые результаты, которые уже наблюдаются в отдельных локальных сообществах в АЦЦ, а также выяснить, не ведут ли тренды в других сообществах к становлению других черт, которые не были выражены в исторически сложившихся сообществах АЦЦ, но которые удачно дополняют последние (так что сама АЦЦ окажется динамически развивающейся вместе со всем остальным человечеством).

Гипотезы исследования и операционализация исходных понятий.

Чтобы сделать эти пока ещё слишком общие понятия применимыми к процессу построения программы исследования, нам необходимо разобраться в том, что же имеется в виду под изменением базовых антропологических характеристик членов АЦЦ. У автора на эту тему имеются разработки, которые здесь будут приведены в обобщённом виде. Заодно мы введём важные исходные категориальные разграничения, которые позволят нам более конкретно описать предметную область исследований.

И здесь мы сразу же вводим напрашивающееся из истории АЦЦ разграничение между традиционными сообществами Севера и теми новыми сообществами, которые возникли в небольшой исторический период, когда на Север пришла индустриальная цивилизация (у нас в России на Севере она происходила начиная с 20-х гг. XX века). У представителей этих сообществ будут разные антропологические черты, а иногда – довольно существенно; но наша гипотеза состоит в том, что данные черты могут друг друга дополнять, при условии трансформации индустриального сообщества жителей Арктики под влиянием опыта традиционных сообществ.

Антропология членов традиционных сообществ АЦЦ.

С описания антропологии традиционных жителей Арктики мы и начнём. Тут имеется в виду те народы, которые живут в Арктике довольно-таки долго, века и даже тысячелетия (то есть даже забыли, когда они сами сюда пришли). Они – не

индустриальные переселенцы. Впрочем, имеются и промежуточные типы, те же самые старообрядцы, которые переселились в Арктику относительно недавно с исторической точки зрения (т.е. века назад), но тем не менее не под влиянием тренда на её индустриальное освоение, или бывшие каторжники, политзаключённые (имеется в виду ещё в царское время, так как советские зеки уже активно участвовали в индустриальном освоении Арктики), переселенцы по Столыпинской реформе и т.п.

Итак, начнём с описания тех характерных антропологических черт носителей традиционных сообществ, которые мы приводим в качестве исходных гипотез исследования. Здесь имеется в виду, что эти черты автором вместе с другими исследователями-соратниками и соавторами были выделены путём теоретической рефлексии и описаны в соответствующих статьях [Винокурова, Шачин, 2018; Шачина, Шачин, 2019].

Итак, Север осваивали люди особой природы по сравнению с оседлыми земледельцами: это были кочевники. Сразу же разрушается один из «центризмов» как самоочевидность в науке: якобы что именно оседлые народы способны к созданию каких-то устойчивых общественных форм и вообще, выражаясь радикально, каких-то представляющих интерес достижений культуры. И хотя в откровенном виде такой «центризм» уже давно считается неполиткорректным, реальное его преодоление сталкивается с серьёзными трудностями. Прежде всего надо понять, что кочевник (в отличие от оседлого земледельца) живёт на основе особо понимаемой свободы: в смысле преодоления пространства, перенесения внешнего опыта во внутренний опыт, запечатлеваемый в своего рода «ментальной карте». Иными словами, кочевник получает огромное удовольствие от самого процесса движения и наполняет свою душу теми образами и самыми многообразными восприятиями, которые порождает движение – опытами Земли и себя (вместе с другими членами своего сообщества), находящегося(ихся) в дороге. Также свобода для кочевника включает в себя преодоление самого себя в смысле сознательной аскезы, принимающей самые разнообразные формы, поразительные для оседлого земледельца: допустим, умение спать урывками, или быть полураздетым во время сильного холода (так как приходится много бегать за стадами) и т.п. Свободой является также особая способность не укореняться – в смысле не поддаваться привязанности материальным благами, к чему склонны земледельцы (или носители общества массового потребления, которое сегодня, похоже, на глазах прекращает своё существование): вряд ли в дороге ты сможешь изнежиться. Дальше: кочевник способен постигнуть покой в момент наивысшего напряжения самого движения, образно говоря, для него «в буре есть покой». У кочевника большую роль играют носители особых сенсорных способностей, которые являются своего рода составителями этих ментальных карт и носителями опыта перемещения, а также разработчиками новых стратегий освоения остающихся земель. Поэтому кочевник способен сакрализировать определённые участки Земли и природные объекты (а также и артефакты), которые оседлому земледельцу вряд ли о чём-то говорят, но для кочевника выступают своеобразными опорными пунктами в такой ментальной карте. Все приведённые до сих пор в этом абзаце характеристики

антропологии кочевников автор взял из работы: [Головнёв, 2015]. Также существует интересная догадка о том, что кочевники определяют ориентиры на местности (сакральные объекты) и опорные пункты в своей ментальной карте на основе особенностей геомагнитного поля Земли и его состояния в зависимости от широты и долготы местности [Паранина, Паранин, 2018]. К этому тесно примыкает ещё одна способность кочевников, которая лишь недавно стала предметом исследований в гуманитарной науке: способность воспринимать магнитное поле Земли теми нервными окончаниями, которые находятся преимущественно в так называемом «солнечном сплетении» человека. Эти идеи автор слышал во время выступлений на научных конференциях в нашем университете и в г. Кировске Мурманской области своеобразного учёного из Кировска Н. А. Савоткина. В открытом доступе автор нашёл только следующую статью учёного: [Савоткин, Цукерман, 2008]. Без успешного развития таких экстрасенсорных (для земледельца и оседлого человека в целом) способностей было бы невозможно освоение невообразимых пространств, в том числе и Севера, при сохранении относительно невысокого уровня развития техносферы.

Что же касается мировоззренческих оснований кочевого общества, то оно характеризуется способностью совершать посредничество между различными культурами и благодаря этому вырабатывать некое эклектическое понимание духовной сущности бытия, что выражается в термине тангризм [Томский, 2019]. Есть и позитивная сторона такого эклектизма: способность к перевоплощению, к вживлению в верования различных оседлых народов, что делает кочевника понятным для них, и способность к дополнению различных форм таких верований, что делает кочевника носителем какой-то особой духовности, несвойственной оседлым народам по отдельности. Эти способности активизируются в экстремальных ситуациях, когда меняется геоинформационная среда Земли, то есть делают кочевника восприимчивыми к «пассионарным толчкам» [Гумилёв, 1989]. Они могут выразиться в некоем зове бытия, выражающемся в стремлении к освоению всё новых пространств Севера и запечатлению их не просто в своей ментальной карте, но и в своём внутреннем мире: посредством переживания на глубинном уровне единства между коллективным бессознательным кочевого северного народа и природой в её целостности. С этой позиции можно исследовать образы северного кочевого искусства и находить в них различные пласты, в которых были выражены образы коллективного бессознательного, появившиеся в соответствующий период пассионарного толчка, и тем самым строить нечто вроде хронологии истории таких толчков кочевых северных народов. Это позволит открыть определённые ритмы, которым подчиняется процесс освоения Севера, а затем – поставить это знание на службу сознательному планированию такого освоения в будущем.

Антропологические черты земледельцев, переселившихся в Арктику в эпоху традиционного общества.

Этот вопрос ставится в связи с уникальной особенностью русского мира, то есть социокультурной среды, формирующей российскую цивилизацию и

государственность: органичным элементом «русского мира» является АЩЦ. Это значит, что русские с незапамятных времён переселялись на Север и вступали во взаимоотношения с северными автохтонами, изменяя свою антропологию. Зачем они это делали? Ответ на вопрос сможет подвигнуть нас к разрешению загадки гигантских пространств, которые занимает российское государство, что предполагает наличие в русских способностей эти пространства осваивать не через завоевание и ассимиляцию покорённых автохтонов, а через выстраивание с ними отношений долгосрочного сотрудничества (что, конечно же, не исключало определённые феномены ассимиляции, но оно во многом происходило добровольно, к тому же русские в свою очередь перенимали всё лучшее, что было в культуре автохтонов, а также заключали с ними межнациональные браки, и в результате ещё трудно судить однозначно, кто же кого реально ассимилировал).

Итак, прибыв на Север в силу исторических причин (сочетание ориентированной на первопроходцев государственной и социальной организации сначала новгородской, а затем и московской Руси) и геоинформационных причин (климатический оптимум раннего и зрелого средневековья), русские земледельцы научились перестраивать свой образ жизни. При этом им не удавалось превратиться в полноценных кочевников-оленеводов, как северным автохтонам, не удавалось организовать сколь-нибудь стабильное сельское хозяйство (хотя опыт животноводства пригодился и привёл к удивительным открытиям в селекции, например, те же холмогорские коровы и пр.). Им остались две области: развитие ремесла и формирование морской культуры. Это внесло в освоение Севера новые моменты, а именно: позволило установить сотрудничество с северными автохтонами и постепенно вовлечь их тем самым в орбиту русского мира в качестве пограничных народов, всё больше становившихся «своими» (что выражалось в прогрессирующем распространении среди них православного христианства).

Поморская культура сразу же выводит Россию на океанический простор и тем самым делает её способной совершать мировую экспансию на основе развития тех качеств, которые связаны со свободным развитием личности. Это известно ещё с анализа атлантических оснований менталитета США. Однако в России поморская культура оказалась заключённой в условия Севера, т.е. неблагоприятной природной среды (особенно в эпоху малого ледникового периода). Поэтому поморам надо было выработать такую социальную организацию, что совместила бы в себе сохранение свободы личности и общинность. И этой организацией стала артель – вот это и было базисной социальной ячейкой общественного строя России на Севере. Исследования на эту тему уже проведены, уже обозначилась специфика артели в её взаимоотношениях с соседской общиной чернозёмной и центральной России [Артель и артельный человек, 2014]. Нам здесь хотелось бы акцентировать следующие её «северные» черты. Прежде всего, моряк-помор, в отличие от сухопутного кочевника, осваивает Арктику уже через море, а кто такой моряк вообще? Тот, кто плавает на корабле, осколке суши в бескрайних просторах солёной воды, т.е. кто-то вроде коллективного Робинзона Крузо. Отсюда вытекает способность членов поморской

артели развивать в себе те личностные черты, которые наибольшим образом способствуют гармонии индивидуальных и коллективных интересов. То есть на корабле в бушующем северном море или на перемещающейся по северным морям льдине, где живёт община промысловиков, человек раскрывает самые лучшие свои качества и постепенно преодолевает худшие, связанные со следованием своей биологической природе, непросветленной силой разума; также в артели трудно представить развитие страстей властолюбия, корыстолюбия, чревоугодия и т.п., во всяком случае – в период коллективного действия, ради которого совершается промысел. Конечно, после возвращения домой артельщики вполне могут предаться всем описанным человеческим слабостям, но всё равно пребывание в постоянном напряжении всех сил оказывает смягчающее воздействие на социальную природу жителей поморских городов и селений; поэтому на поморском Севере существует традиция свободолюбия, а также своеобразная поморская книжная культура и образованность, которую ещё предстоит систематически открыть и изучить. Известно, например, что отец М. Ломоносова был одним из самых образованных людей тогдашней архангельской Помории, блестяще знал норвежскую и датскую культуру, владел обширной (возможно, одной из лучших на Севере) библиотекой, так что русский гений возник не на пустом месте, а впитал в себя эту поморскую культуру и вывел её на всемирный уровень; один из просветителей лопарей Феодорит Кольский возглавил делегацию в Константинополь, которая блестяще выполнила миссию присвоения Ивану Грозному звания царя со стороны константинопольского патриарха, что предполагало ведение сложнейших богословских и общественных дискуссий с греческими церковными иерархами с целью доказательства того, что Россия духовно созрела до уровня царской власти и патриаршества; следовательно, Феодорит Кольский был на то время самым образованным среди духовного сословия России. Наконец, вспоминается культура старообрядцев озера Выг в Карелии и «Поморские ответы» с изложением и апологетикой основ древлеправославия в полемике с никонианцами. Именно религиозный фактор в соединении с повышенной пассионарностью и объясняет то обстоятельство, что на Севере русская поморская культура не погибла после наступления малого ледникового периода, а сумела приспособиться к изменившейся неблагоприятной среде и продолжила выполнение своей миссии, с одной стороны, по вовлечению в русский мир Арктической циркумполярной цивилизации, а с другой стороны, по выведению русского мира на просторы мирового океана и по приобщению его тем самым к сообществу всемирно-исторических народов, способных сказать решающее слово при становлении культуры и социальной организации человечества в целом [Этот анализ антропологии поморов был проведён с использованием следующей литературы: Никонов, 2020; Пермиловская, 2015; Сёмушин, 2013].

Антропология и социальная организация индустриальных переселенцев.

И вот теперь мы добрались до третьей социокультурной составляющей современной Арктической циркумполярной цивилизации, которая стала

формироваться в эпоху завершения становления индустриального общества в России, Очевидно, что было несколько волн заселения Севера: 20–60-е гг. XX в. – формирование мощной индустриальной базы и «арктического военного щита» на Кольском полуострове [Жуков, 2008], а также в республике Коми и в Норильске, создание Северного морского пути, индустриальное развитие в Якутии; и с конца 60-х гг. XX в. – формирование мощной топливно-энергетической базы на севере Западной Сибири [Тимошенко, 2013; Голдин, 2019; Тюменский индустриальный «взрыв», 2011; Исторические исследования в Сибири, 2010]. Также очевидно, что этот социокультурный уклад находится в процессе активного становления, чему не может препятствовать даже всемирный экономический кризис.

Переселенец на Север в индустриальные поселения обладает свойствами кочевника и помора, описанными выше. Он влеком стремлением найти на Севере лучшую жизнь, а также построить эту лучшую жизнь в результате коллективного социокультурного творчества, причём понимает, что в генезис нового мира он сможет внести свой ощутимый вклад (что менее возможно в условиях устоявшейся социокультурной организации центра русского мира). Советский мировоззренческий проект способствовал формированию этой установки сознания, пожалуй, ещё лучше, чем мировоззренческий проект старообрядчества, который побуждал искать на Севере возможность сохранения незамутнённого русского православия. Точно так же индустриальный кочевник-вахтовик является в душе тенгристом, если эту категорию вывести из чисто религиозной области и поднять её до социокультурного уровня: он способен соприкоснуться с самыми разными культурами и национальностями таких же кочевников и вынести оттуда всё самое лучшее, что способствует выполнению задач в рамках своей деятельности.

Но есть в антропологии индустриальных переселенцев на Север нечто, чего не было ни у автохтонов, ни у поморов: это – устремление в будущее в смысле векторного отношения ко времени. Это размыкало цикличность поморской и кочевой автохтонной культуры, что обрекало последнюю на повторение однообразных ритмов и придавало АЦЦ черты традиционного общества. Север надо было и надо сейчас осваивать для того, чтобы сделать его оплотом государственности и высокоразвитой экономики России в целом. А это предопределяет развитие прежде всего технического и управленческого интеллекта; возможно, на Севере наряду с космической и оборонной отраслями, сосредоточились самые образованные представители русского мира в областях технического и управленческого интеллекта. Требуется особый социологический анализ, чтобы понять те управленческие принципы и технологии, позволившие возникнуть на Севере городам европейского уровня из бывших поселений или даже вахтовых посёлков, как Мурманск, или сибирские Салехард, Ханты-Мансийск, Сургут, Норильск, Сабетта и др. Также необходимо тщательно проанализировать достижения военной управленческой мысли, благодаря которой возник мощный «арктический щит» из Северного флота и сухопутных гарнизонов, самый северный пункт которых – Арктический трилистник – достигает почти Северного полюса на Земле Франца-Иосифа. Очевидно, что социологи в содружестве

с историками, философами и другим обществоведами как раз и призваны открыть те способы освоения Севера, которые позволят не просто сделать его северной частью индустриального мира, а будут способствовать формированию относительно автономной социокультурной цивилизации, органично вписанной в АЦЦ и в то же время выводящей её на всемирный уровень [См.: Силин, 2016].

Для этого нам необходимо проанализировать отрицательные стороны индустриального освоения Севера и попытаться найти способы их преодоления. Тут сразу же бросается в глаза потребительское отношение с Северу, ведущее к разрушению хрупкой северной экологии. Индустриальный северянин ещё далеко не сформировал в себе характерные для автохтонов способности чутко ощущать то, что человек может взять у северной природы без нарушения хрупкого экологического баланса, что потом бумерангом ударит по человеческому обществу, и именно эти способности и должны быть развиты путём тонкого диалога с северными автохтонами через изучение их культуры и философии тенгризма. На этом пути могут быть найдены поразительные технические обретения, например, кочевые жилища индустриалов могут по принципу социальной бионики вобрать в себя принципы устройства кочевых жилищ северных автохтонов: почему не вообразить передвижные нефтяные качалки-юрты, или временные посёлки вахтовиков из снежных иглу или якутских юрт (что, конечно же, не исключает наличие каменных жилищ). В целом арктическим автохтонам свойственна способность ограничиваться самым необходимым во взаимоотношениях с природой. Как сделать эту настроенность сознания не противоречащей необходимости освоения сырьевых ресурсов Арктики – это может быть проблемой специальных исследований.

И здесь вариантом ответа на вопрос может быть признание того, что для осознания Арктики необходимо изменение антропологии пришедших индустриалов в направлении формирования нового арктического человеческого сообщества, органично приспособленного к жизни в этом суровом, но прекрасном месте Земли. Для этого необходим научный анализ и активные управленческие действия на его основе. В качестве примера приведу выступление заведующего кафедры физкультуры тогда ещё Мурманского государственного педагогического института Геогрия Семёновича Рябченко на заседании нашей кафедры философии и социологии в марте 2002 г. Он предложил следующее: учебный год в университетах на Севере надо начинать с августа, когда много солнца и плодов местной земли, в разгаре лесной сезон, причём необходимо постепенно вработываться в учебный и исследовательский процессы, часть времени проводя в лесу и работая не 6, а 3–4 дня в неделю (только в конце сентября можно перейти на 6-дневную неделю); сессию в университете организовывать в начале декабря, чтобы самую тёмную часть года (с 20-х чисел декабря до 10 января) проводить на каникулах; второй семестр начинать с появлением солнца после полярной ночи (т.е. в середине января), а в марте проводить большие зимние праздники, с массовыми лыжными пробегами, чтобы воспользоваться высоким содержанием ультрафиолета, большим, чем в Сочи, и противодействовать нарастанию усталости, которая у северян накапливается как раз к марту (что выражается в

статистических данных о резком росте смертности мурманчан – за март умирает столько, сколько за два-три остальных любых месяца); заканчивать же учебный год надо в начале мая, чтобы арктические переселенцы смогли выехать в более южные широты как раз в разгар весны и появления свежей зелени (листья на деревьях, травы и прекрасные запахи, первые весенние салаты из той же крапивы и пр.). Это позволит им восстановить свои силы и вернуться на Север как раз в разгар ещё не завершившегося относительно тёплого сезона, но когда у них на малой родине созреют первые плоды северного лета, т.е. к началу августа – а северные плоды могут рассматриваться как подлинный кладёз витаминов и прочих полезных для человека веществ в силу специфики северной природы, которая совершает в ускоренном режиме свои вегетационные циклы в условиях длительного светового дня, особенно в Заполярье, и потому за миллионы лет эволюции приобрела удивительные качества, которых нет в природе более южных регионов, где вегетация протекает более размеренно (как красиво пел В. Высоцкий про мурманчан: «И в награду за ночи отчаянья будет долгий полярный день!»).

Именно такие управленческие действия на основе серьёзных научных исследований могут способствовать постепенному установлению глубинных взаимосвязей между коллективным бессознательным индустриальных переселенцев в Арктику и природой, что выразится в переживании единства человечества и циркумполярного мира. А это позволит говорить о возможности организации на Севере пассионарного толчка в смысле Л. Н. Гумилёва [Гумилёв, 1989], который может породить особое поле повышенной человеческой активности в Арктике, направленной вовсе не на какие-то завоевания или навязывание другим народам своей воли, а на создание новой формы АЦЦ. Эта форма возьмёт всё лучшее из прошлого арктических народов и в то же время соединит их с высоким уровнем коллективной рациональности, которая была развита в Европе после появления Просвещения. В результате можно будет говорить о грандиозном эксперименте по сознательно проводимому пассионарному толчку, что даст эмпирическую проверку самой теоретической системе Л. Н. Гумилёва. Опыт такого толчка и грядущие новые обретения бытия в описанном арктическом сообществе могут быть в конечном счёте востребованы по мере освоения человечеством ещё более непостижимых для нашего вида природных сред, то есть освоения Космоса во всём его универсальности.

И тут гуманитарная наука выходит на один философский парадокс, согласно которому она должна постоянно учитывать необходимость человеческой свободы в качестве конститутивного элемента формирования каких-то устойчивых социальных структур или результатов культурного и научного творчества: если сознательно ставить универсальные цели, то пассионарный толчок может быть совершён и приведёт к образованию некоего интегрального целого как новой формы АЦЦ, а если нет, то АЦЦ останется разрозненным единством как минимум трёх описанных в данной статье сообществ (не говоря уже о многочисленных государственных и этнических границах в Арктике), что делает вероятным нарастание установки на хищническое ограбление природных ресурсов Арктики и вытеснение арктических

автохтонов в лучшем случае в экзотические резервации, в которых они будут развлекать заезжих туристов.

Вывод

Таким образом, социологические исследования благодаря философскому анализу получают стратегическую цель: рассмотреть условия возможности сознательно организуемого на Севере пассионарного толчка, который приведёт к формированию интегральной АЦЦ, что вберёт в себя в качестве органичного единства три описанные в статье уклады: арктических автохтонов, земледельческих переселенцев-поморов и индустриальных переселенцев. При этом новое арктическое сообщество сможет пережить на уровне коллективного бессознательного глубокую любовь человечества к Арктике и глубинное единство отдельных людей друг с другом, что и провозглашал Пителир Сорокин в качестве субстанциональных качеств интегрального социокультурного строя, идущего на смену чувственному строю (вошедшему в состояние универсального кризиса). Социологические исследования призваны определить институциональные предпосылки для этого в форме обобщения опыта тех форм жизни в рамках описанных трёх укладов, которые аккумулировали в себе предшествующие пассионарные толчки, а также способствовать диалогу между представителями этих укладов, что приведёт к новым неожиданным творческим обретениям в самых разных областях, от технических и социальных через искусство и вплоть до философских и религиозных. Как конкретно составить программу таких исследований – это может быть предметом особого рассмотрения, выходящего за рамки данного текста.

Библиографический список

Артель и артельный человек: Колл. монография. / Сост., введение В.В. Аверьянова. Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 688 с.

Винокурова У. А., Яковец Ю. В. Арктическая циркумполярная цивилизация: Учебное издание. 2-е изд., доп. Новосибирск: Наука, 2016. 320 с.

Винокурова У. А., Шачин С. В. Опыт осмысления соотношения холода и цивилизации на базе наукоучения и. Г. Фихте и идей российских антропологов. // Знание. Понимание. Умение. М., 2018. № 4. С. 101 – 111.

Голдин В.И. Северный Морской Путь в арктической политике России: исторический опыт, современность и перспективы. // Россия XXI. М.: Изд-во Фонда Кургиняна, 2019. № 1. С. 32– 57.

Головнев А. В. Феномен колонизации. Екатеринбург: Изд-во Уральского отделения РАН. 592 с.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеиздат, 1989. 560 с.

Жуков Ю. Н. Сталин: Арктический щит. М.: Вагриус, 2008. 544 с.

Крупенкин Е. Н. Концепция фронта в современной отечественной литературе: эвристические возможности и пределы применения. // Вестник Брянского гос. ун-та, 2018. № 1. С. 87–93.

Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: Сб. материалов IV региональной молодежной научной конференции в Институте истории СО РАН. / Отв. ред. Р. Е. Романов.– Новосибирск: Апельсин, 2010. 285 с.

Натарова Е. В. Современная социокультурная динамика в контексте интегральной социологии П. Сорокина. // Вестник Самарского гос. ун-та. – Самара, 2011. № 1–2. С. 28–35.

Нет Севера, а есть Севера́. О многообразии понятия «Север» в Норвегии и России: Колл. монография на русском и норвежском языках. / Под ред. К. А. Мюклебуста и др. М.: Эдиториал УРСС– Ленанд, 2016. 288 с.

Никонов С. А. «Кто в море не ходил, тот Богу не маливался»: Промысловая колонизация Мурманского берега и Новой Земли крестьянами и монастырями Поморья в XVI – XVIII вв. – М., 2020 (в печати).

Паранина А. Н., Паранин Р. В. Козволюция человека и природы: возможности моделирования в географии культуры. // Вестник МГОУ. Серия: Географическая среда и информационные системы. М., 2018. № 2. С. 80– 89.

Пермиловская А. Б. Культурное пространство Русской Арктики. // Ярославский педагогический вестник. Ярославль, 2015. № 3. С. 362–365.

Развитие Севера и Арктики: проблемы и перспективы: Материалы межрегиональной научно-практической конференции (г. Апатиты, 14–16 ноября 2012 г.). / Под ред. В. С. Селина.– Апатиты, 2012. –288 с.

Савоткин Н. А., Цукерман В. А. Инновационные технологии преодоления деструктивных факторов Арктической зоны Севера. // Экология промышленного производства. М., 2008. № 1. С. 56–60.

Семушин Д. Л. «Поморский вопрос» и Русская Арктика. М.: Регнум, 2013. 256 с.

Силин А. Н. Социальные проблемы Арктического региона. – Тюмень: Изд-во ТИУ, 2016. 242 с.

Тимошенко А. И. Советский опыт мобилизационных решений в освоении Арктики и Северного Морского Пути в 1930 – 1950-е гг. // Арктика и Север. Архангельск: Изд-во САФУ, 2013. № 13. С. 1–19.

Томский Г. Философия Тангризма. Paris: Editions du JIPTO, 2019. 142 с.

Тюменский индустриальный «взрыв»: история мегапроекта: Колл. монография. / Под ред. А. И. Тимошенко. Тюмень: Вектор бук, 2011. 260 с.

Шачина А. Ю., Шачин С. В. Эстетический характер нации: сохранение национальной культуры на Севере и универсальный смысл этой деятельности. // Человек. Культура. Образование. Сыктывкар, 2019. № 4. С. 154–167.